

ЛИНИЯ ОБОРОНЫ - КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Неизвестные страницы битвы за Москву

Последний рубеж! Он согласно трем боевым приказам проходил через центр Москвы (эти данные в свое время были запрещены цензурой). Замерло дыхание даже после самого быстрого ознакомления. Перечитываю раз за разом, ибо не верю глазам своим. Казалось бы, известно самое страшное, но только не такое... Даже в «Воспоминаниях» Г.К. Жукова - ни намек, хотя там и приведен его разговор со Сталиным, крайне обеспокоенным за судьбу Москвы.

« - Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе... - Москву, безусловно, удержим... - Это неплохо, что у вас такая уверенность».

И вдруг эти почти 65-летней давности документы, определявшие линию обороны в районе Красной площади.

Это было осенью сорок первого. По нашим коммуналкам ходили какие-то люди и спрашивали:

- Дети есть?

И если им отвечали утвердительно, они говорили:

- Завтра последний эшелон на восток. Захватите самое необходимое.

Мы жили на станции Подмосковная, в районе метро «Сокол». И та осень мне, мальчишке, если и запомнилась чем-то необычным, то лишь зажигательными бомбами и чужими самолетами в небе. Днями напролет играли в войну возле речки Таракановки (теперь она в трубе), еще не зная голода, вшей, чужих углов, грязных вокзалов, где всегда кричали:

«Ой, украли, как же жить-то теперь?...»

Отчина моя... Это ее устами спрашивали: «Дети есть?» Это она формировала тот последний эшелон, когда каждая теплушка была на учете. Мы залезли в вагоны, но паровоза в тот день не подали. Пошли ночевать домой, а может, именно в это самое время и составлялись на улице Дзержинского две строчки: «... действовать в направлениях: Ржевский вокзал (ныне Рижский), Ленинградское шоссе, Волоколамское шоссе...» Это из боевого приказа № 1 штаба Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН).

Станция Подмосковная. Рельсы от нее - напрямик к Ржевскому вокзалу, рядом с ним Ленинградское и Волоколамское шоссе. Но мы в то время, конечно, не ведали, что опасность настолько велика. Хотя... Продовольственные магазины стояли открытыми, продавцов не было - заходи и бери с беспризорных прилавков хлеб, сахар, крупы. И свои вещи мы оставили на станции, когда отправились спать. Узлы, чемоданы, и возле них - никого. Опустевший город. На следующий день поехали, однако вскоре, кажется, на Окружной нас остановила сильная бомбежка.

...А теперь вот как будто заново отбомбили. Ведь тогда никто не подумал, что через наш старенький деревянный дом на станции Подмосковная мог прокатиться огонь войны. Три боевых приказа по ОМСБОН, найденные кандидатом исторических наук Н.Д. Арсениным в Центральном Государственном архиве Советской Армии, вывернули наизнанку память, воскресили детство,

сделали более товарищескими мои отношения с Москвой. Поразительная оголенность факта. Эти строчки - точно живые нервы, и я боюсь к ним лишний раз притронуться. Иногда все застилает картинка из далекого детства: по Садовому кольцу ведут пленных немцев - полюбуйте, мол, она стояла, Москва, и будет всегда стоять. Но вот этот третий пункт из приказа № 2: «ОМСБОН имеет задачу закрыть все входы к Садовому кольцу... Граница справа: площадь Дзержинского, Москва-3, слева: Пушкинская площадь, зоопарк, ст. Красная Пресня. Готовность 22.00 24.10.41».

Откладываем ручку в сторону: разом, залпом такое писать не получается, - и выхожу на ночную улицу. Мысленно спешу по адресам, которые указаны в четвертом пункте приказа № 2 «1МСП (мотострелковый полк. - В.Ч.) подготовить к обороне участки: Ржевский вокзал, Бутырская застава, Петровские ворота, пл. Дзержинского - с задачей не допустить прорыва противника к Садовому кольцу (Колхозная площадь) с направления: Ярославское шоссе, Ржевский вокзал, и к Петровским воротам с Дмитровского направления от Бутырской заставы. Все входы и выходы (проходные дворы) закрыть инженерными укреплениями».

Спит Москва, не ведающая об этих строчках. Мне бы сейчас поговорить с отысканным их Колей Арсениным, но... Уже никогда не услышу торопливый его говорок: годы все торопливее подбирают ветеранов. Старый мой товарищ, он прикрывал столицу своей грудью в сорок первом. Кавалер многих боевых наград, инвалид войны. Он был старше меня на десять лет, с возрастом разница в годах почти не ощущалась,

но иногда я смотрел на него глазами семилетнего мальчишки. Меня увозил эшелон на восток, а он в свои семнадцать пошел добровольцем на фронт.

- Дело было так, - рассказывал Арсенин, - укладываю парашют в Доме культуры ЗИЛа, там базировались, и подходит ко мне эдакий представительный дядя. Взглядываю на него снизу вверх, а он участливо спрашивает: «Сынок, куда прыгать собрался?» - «Туда, к ним», - отвечаю неопределенно. - «А знаешь, что линия фронта по площади Маяковского проходит?» - «Не может быть?» - глупо выпалил я.

Никогда бы не вспомнил о давнем разговоре, если бы не найденные документы. Едва прочитал их, как в памяти, точно на фотграфической бумаге, проявились тот холодный московский день и тот дядька, излучающий его добрым взглядом. Арсенин высадился с воздушным десантом в тылу немцев западнее Вязьмы - районе, где разворачивались трагические коллизии в битве за Москву. Именно тогда Николая наградили орденом Красного Знамени.

- Через столько лет, представляешь, словно прозрение! Меня аж затрясло в архиве, - рассказывал Арсенин. - То были уже не просто слова, даже если бы они и стояли у меня в ушах все это время... А черным по белому. Вон оно как все складывалось - линия обороны намечалась у Кремля. Кстати, с ОМСБОН связаны имена таких легендарных чекистов, как Н.И. Кузнецов и Д.Н. Медведев.

Об Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения, созданной в октябре 1941 года приказом НКВД № 00481, знал я и прежде. Она состояла из двух полков и

отдельных подразделений, была сформирована в Москве для борьбы с вражескими диверсантами, лазутчиками, возможными десантами, для выполнения специальных заданий в тылу врага. В ее первом батальоне - чекисты и работники милиции, во втором - бойцы-интернационалисты, собравшиеся в Москве со всего света, закаленные в Испании. В третий и четвертый батальоны зачисляли студентов и преподавателей Центрального института физкультуры. В личный состав входили наши знаменитые чемпионы: легкоатлеты братья Серафим и Георгий Знаменские, гребец Александр Долгушин, дискболб Леонид Митропольский, лыжница Любовь Кулакова, боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков, штангисты Владимир Крылов и Николай Шатов, конькобежцы Анатолий Капчинский и Константин Кудрявцев, борец Григорий Пильнов... Словом, было известно почти все, за исключением трех боевых приказов, подписанных командиром бригады полковником Орловым, военкомом бригады капитаном госбезопасности Максимовым и начальником штаба капитаном Злобиным.

Казалось бы, далекое-предалькое время, но и сегодня оно потрясает. Разве можно спокойно читать строки из приказа № 3: «1МСП на участке обороны - площадь Свердлова, Красная площадь произвести тщательную рекогносцировку батальонных районов, пометить огневые позиции артиллерии...»

С этажей ГУМа, где осенью сорок первого квартировали бригады особого назначения, смотрю на брусчатку главной площади страны - и никак не могу представить себе намалеванный на ней «озелененный поселок». Камуфляж, как ни напрягаю свое воображение, не увязывается с открывающимся глазу величием...

Владимир ЧЕРТКОВ

ДЕВОЧКА ИЗ БЛОКАДНОГО ГОРОДА

Когда после войны на огненной черте в районе Крюково, где в 1941 г. были остановлены немецкие дивизии, рвавшиеся к Москве, появился город-спутник Зеленоград - оказалось, что на его предприятиях работают многие бывшие ленинградские блокадники.

Одним из первых в Зеленограде ввели в промышленную эксплуатацию НИИ точного машиностроения с опытным заводом «Элион». Там разрабатывалось и изготавливалось спецтехнологическое оборудование для заводов электронной промышленности.

Вот, например, характеристика бывшего оператора ЦКУ «Элиона» Клавдии Кабарженковой: «Клавдия Егоровна - чуткий, отзывчивый человек, всегда поможет товарищу, научит, как лучше сделать. Если надо - встанет на любой участок работы».

На любой!

В блокированном Ленинграде Клавдия жила на Большой Охте.

- Когда началась война, - рассказывает Клавдия Егоровна, - мне было 15 лет. Нас, подростков, объединили в группы и послали рыть траншеи. Кажется, мы изрыли весь город. Строили заграждения, надолбы, «ежи». Дежурили на крышах и в бомбоубежищах. Тушили зажигательные бомбы.

Пришла зима. Морозы - до 40 градусов. Дров не было. Рубили и жгли мебель, двери. Вообще жгли в буржуйках все, что горело. А потом и это кончилось.

В шесть утра я отправлялась за хлебом. Получишь, бывало, кусок сырого хлеба с немалыми примесями - и сто раз его обнюхашь, пока идешь домой. А есть нельзя: дома ждут, надо разделить

на всю голодную семью. Иногда вместо хлеба выдавали 75 граммов муки. Многие съедали муку, потому что печь хлеб было не на чем: ни воды, ни дров.

Люди стали пухнуть от голода. Когда человек по дороге на работу падал на улице и умирал, никто этому не удивлялся. Разучились плакать даже дети.

Когда прекращались бомбежки и обстрел, из черных тарелок репродукторов слышались монотонные звуки метронома. Казалось, что это бьется сердце города. В такие минуты мы мечтали о победе, о бане, о еде. Когда наши построили дорогу через Ладогу, объявили: дети станут получать не 125 граммов хлеба, а 150. Какая это была радость! Правда, прибавка уже не могла спасти многих истощенных людей. Но морально она всколыхнула всех.

13 декабря умер мой отец, 1 февраля - мама, 20 марта скончалась бабушка. Я

осталась одна. Тех, кто покрепче (я попала в их число), решили эвакуировать.

На берегу Ладожского озера мы на морозе долго ждали отправки. Наконец нас посадили в открытые машины и повезли. Все ребята одеты по-городскому: без валенок, в шапочках. Ехали медленно. Трескучий мороз, ветер. Начался обстрел из дальноточных орудий, на нас пикировали фашистские самолеты. Несколько автомашин пошло под лед.

На станции Жихоревка многих ребят сняли с машин мертвыми. Целый день мы ожидали поезда. И вот наконец застучали колеса вагона, - закончила свой печальный рассказ Клавдия Егоровна.

Только через 20 дней Клава оказалась в городе Лебедянь Липецкой области у родственников. Когда ее, полуживую, посадили за стол и положили перед ней кусок хлеба, она по блокадной привычке разделала его на всех. Хозяйка дома отвернулась и долго смотрела в окно...

Постепенно Клава окрепла, нашла работу в эвакуационном лагере №1681, дислоцированном тогда в Лебедяни. Она ухаживала за тяжелоранеными, совершенно беспомощными людьми. Работала по 15-16 часов. Часто приходили эшелоны с ранеными, и все работники госпиталя - врачи, медсестры, санитарки - оставались на всю ночь.

...Клавдия уже стала медсестрой, когда госпиталь двинулся за фронтом на запад. Украина, Польша, Германия... Ленинградская девочка, которую гитлеровцы лишили семьи и детства, увидела фашистское логово поверженным. Спасенные ею солдаты расписывались на рейхстаге!

Иван ЛЫСЕНКО, заслуженный работник культуры РФ

Мы провожали ее с печалью, так как чувствовали, что с ее гибелью в океанских волнах завершается одна из славных страниц нашей космонавтики, начавшейся запуском первого искусственного спутника Земли и полетом Юрия Гагарина.

Орбитальная станция «Мир» стала вершиной наших достижений в космосе, и с этим утверждением невозможно не согласиться. Даже спуск ее с орбиты стал еще одним доказательством того, насколько продуманно и четко развилась космонавтика в нашей стране, полет «Мира» в земной атмосфере оставил огненный автограф не только в небе - а спуск наблюдало все человечество! - но и в Истории.

Она начала свою жизнь в необычайно трудное для нашей цивилизации время, а потому стала надеждой для всех, кто привык смотреть в будущее, а не прошлое.

Еще не развеялся дым после взрыва «Челленджера» при старте, еще специалисты ломали голову над тем, что же случилось, еще упоминались об американской трагедии вызывало на глазах слезы, а на Байконуре уже завершались приготовления к пуску базового блока станции нового поколения, символично названной «Мир». Ее шесть стыковочных узлов предопределяли будущую программу исследований. Это была станция для всего мира, для всего человечества, и запуск ее 20 февраля 1986 года означал, что лучшим памятником погибшим астронавтам станет продление работ на внеземных орбитах.

Так же, как и для тех, кто ценой своей жизни и здоровья закрыл ядерное пламя Чернобыля.

Казалось бы, какая связь между Чернобылем и «Миром»?

На самом деле только слепые не замечают ее!

Чернобыль заставил сомневаться в возможностях отечественной науки и техники. «Мир» доказывал прямо противоположное, а потому его взлет и работа на орбите вызвали столь пристальное внимание в Европе и за океаном. Но орбитальному комплексу суждено было войти в историю космонавтики и как одно из вели-

АВТОГРАФ В НЕБЕ

Орбитальная станция «Мир» начала свой полет еще в Советском Союзе 20 лет назад, а завершила его 5 лет назад уже в России.

чайших достижений, и как символ политического беспутства, что царило в России в последнее десятилетие XX века.

Передо мной лежит том документов, рассказывающих о судьбе «Мира». Они увидели свет благодаря коллективу ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С.П. Королева. Прошло уже пять лет после гибели «Мира», а потому на прошлое можно посмотреть без эмоций, спокойно и аналитически. Вопрос «Кто виноват?» по-прежнему звучит актуально. И документы дают вполне определенный ответ: руководство

руг комплекса было достаточно, и нет, пожалуй, ни одного популярного деятеля, который в той или иной форме не ратовал за «Мир». Но это были лишь слова и пустые обещания, хотя исходили из «высших сфер». Документов, подтверждающих этот вывод, вполне достаточно.

Существовала еще одна причина, которая стала одной из главных в споре о судьбе «Мира». Это мнение коллег-американцев. К началу 2001 года «Мир» им был уже не нужен, так как начиналась программа Международной космической станции, и в США очень наде-

ментов и опытов, только по астрофизике было осуществлено 6200 наблюдений, масса грузов, доставленных с орбиты на Землю, составила почти пять тысяч тонн. И самое главное: на «Мире» была создана и опробована система обеспечения полетов продолжительностью до полутора лет. По сути дела на борту комплекса была смоделирована экспедиция на Марс.

Президент Дж. Буш недавно обнаружил амбициозную программу освоения Луны и Марса. На нашем естественном спутнике предполагается создать базу и начать там получение коллег-3 - топлива для энергостанций будущего. Ну а полет на Марс должен ответить на принципиальный вопрос о происхождении жизни во Вселенной. Эти два глобальных проекта XXI века, безусловно, обещают принципиально новый скачок в развитии земной цивилизации. Последствия его осуществления грандиозны: от завоевания Солнечной системы до появления принципиально новых технологий. И все это дает космос!

Теперь уже абсолютно ясно: путь в то будущее, к которому стремятся американцы, начат полетом нашей орбитальной станции «Мир».

Ну а Международная космическая станция, за которую так ратовали американцы и наши чиновники?

К сожалению, пока МКС не оправдывает надежд ученых: программа исследований практически не осуществляется, а те эксперименты, о которых изредка узнает общественность, - лишь продолжение работ, что велось на «Мире». Тот же «плазменный кристалл», о котором столь помпезно сообщалось недавно, начинался на «Мире». Так что нет никакого преувеличения, когда я утверждаю: за минувшие пять лет принципиально нового в космосе не получено. Пожалуй, ситуация была бы иной, если бы «Мир» все еще летал над планетой. На это он был способен, и документы, обнаруженные корпорацией «Энергия», подтверждают это...

Владимир ГУБАРЕВ

Компьютерная модель станции «Мир» в процессе разрушения в верхних слоях атмосферы

ФОТО ИТАР-ТАСС

страны начиная от президента Б.Н. Ельцина и всех премьеров, которых он назначал, проявляя полное равнодушие к судьбе отечественного орбитального комплекса. На многочисленные обращения академика Ю.Н. Семенова и других ученых руководители России в лучшем случае щедро давали обещания, не выполняя их, ну а чаще всего - просто не реагировали. В распродаваемой России у представителей власти ни времени, ни желания не нашлось реально поддержать отечественную космонавтику, и это решило судьбу «Мира». Политических игр вок-

лись, что Россия приложит все свои усилия, чтобы обеспечить работу МКС. Последующие события лишь подтвердили «прозорливость» американцев - после трагедии с «Колумбией» тяжесть по обеспечению нормальной работы МКС легла на нашу космонавтику.

За 15 лет своей работы «Мир» вписал множество славных страниц в историю космонавтики. Было проведено 27 международных экспедиций, в которых помимо российских космонавтов работали представители 12 стран. Научный багаж складывается из тысяч экспери-